

«ПРОЩАЛЬНЫЕ ПЕСНИ» НИКОЛАЯ РУБЦОВА И «ПОВЕСТИ ПРОЩАНИЯ» ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

1.

В январе прошлого года исполнилось **80 лет** со дня рождения поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971), а в марте этого года — прозаика Валентина Григорьевича Распутина (1937–2015), моих любимых и соразмерных по таланту, истинно русских художников слова в литературе нашего времени, сохранивших в своем творчестве живое чувство великих традиций русской классики (прежде всего Пушкина, Тютчева и Есенина — в поэзии, Толстого и Достоевского — в прозе), ее христианских ценностей и идеалов. Радостно и легко и в то же время очень трудно и ответственно писать о любимом, постоянно присутствующем во внутренней жизни, трудно потому, что необходимо сказать свое, личностное и **живое** слово, за которое потом не было бы стыдно перед требовательным и мыслящим современным читателем, не прощающим суесловия и хлестаковского легкомыслия (вспомним Тютчева: «*Не дай мне духу празднословья...*»); трудно и потому, что, как замечает Распутин, «в наше время атрофированных слов и чувств тем более важно отыскать такие слова и чувства, которые были бы услышаны душой и сердцем»¹. А это значит самому услышать, прочувствовать, осмыслить то живое и очищающее **Слово**, «золотое слово», выражающее и великую любовь к России, и, как у Достоевского, «гениальную боль за Россию» (Н. Бердяев), услышать то, может быть, спасительное **Слово** для многих заблудившихся душ, не знающих, куда идти, и впадающих в «обычное русское механическое существование «под горку», кончающееся ожесточением или духовным омертвлением»², услышать художественное **Слово**, которое и в стихах Рубцова, и в прозе Распутина звучит как колокольный звон, как исповедь совестливой души и воплощает глубокие духовные интуиции.

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988); «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным; СПб., 2009); «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (СПб., 2014) и более 120 публикаций о русской литературе XIX–XX веков в сборниках трудов ИМЛИ («Московский пушкинист». Вып. V, 1998; Вып. X, 2002; Вып. XII, 2009), ИРЛИ (Пушкинский Дом), СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена; в журналах: «Social Sciences» (2015, № 2), «Вопросы литературы» (1998, № 6; 2004, № 4; 2014, № 6); «Нева» (2005, №12; 2014, № 10; 2016, № 3, 4); «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа».

¹ Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 479.

² Курбатов В. Я. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. Иркутск, 2007. С. 52.

Духовное родство этих русских художников слова — вологодского поэта, певца северной природы, «русского Орфея» (В. Михальский), и иркутского прозаика, изобразителя сибирской природы, — подкреплено и общим северным происхождением их далеких предков. Распутин в очерке «Откуда есть-пошли мои книги» (1997) рассказывает: «Наши места были заселены в самом начале 18-го столетия выходцами с Русского Севера. Самые распространенные фамилии — Вологжины и Пинегины, бабушка тоже из Вологжских. Моя фамилия из мурманских краев (другой ветвью из архангельских) и разрослась по Ангаре густо...»³

На протяжении многих внутренне светлых и осмысленных для меня, но очень напряженных лет работы в школе, а затем и в педагогическом университете пытливые школьники и студенты неоднократно спрашивали на уроках литературы и на лекциях: есть ли простые, но объективные критерии для оценки художественного произведения, как отличить подлинное в литературе от бездуховного, красивой подделки, настоящее (очень редкое, глубокое) от ложного, истинное от искусной имитации, живое от «мертвечины», от неизбежно обреченного на быстрое забвение?

И я неизменно отвечал примерно так. Подлинной поэзией являются те стихотворения, которые погружают читателя в глубокое душевное состояние и которыми можно жить хотя бы несколько дней, повторяя их по многу раз, без усталости читая с разной интонацией и меняя систему смысловых акцентов и ритм звучания, медленно или быстрее, тихо или громче, вслушиваясь в рождающуюся музыку стиха и проникая в глубинный и таинственный смысл слов и поэтических образов. Подлинные стихи можно повторять бесконечно, ибо они открывают красоту звучащего слова, божественную красоту природы и человека, вызывают в глубине души «чувства добрые» (любовь к другим и милосердие, жалость и сострадание) и пробуждают «духовную жажду» (жажду правды, истины, веры, жажду поиска для себя высшего смысла и цели жизни), рождают веру в чудо и становятся не просто литературой, но тем чистым, благотворным и спасительным воздухом, без которого уже «жить нельзя» (Л. Толстой). Настоящая поэзия прорастает через душу, полнит дух и излучает свет любви, надежды и веры.

Самым простым критерием подлинности прозаического произведения является желание читателя многократно перечитывать его, открывая в нем все новые и новые грани и тайные смыслы на иерархически разных уровнях прочтения: социальном, психологическом, нравственном, философском, духовном, — прозревая новое в понимании самого себя и других людей, что помогает необходимому росту собственной души и неустанному поиску спасительных ответов на самые главные и тревожные вопросы человеческого бытия.

Именно такой безусловной подлинностью и отличаются лучшие произведения прозаика Валентина Распутина и чарующего поэта Николая Рубцова, любимые стихи которого, спасающие от уныния и помогающие обрести душевное успокоение, как поэтические молитвы, я снова и снова повторял долгими осенними и зимними вечерами и ночами, когда в 70-е годы, будучи студентом заочного отделения филфака ЛГУ, работал лесником, сторожем, кочегаром, техником-смотрителем на маяке, на берегу Финского залива, рамщиком на пилораме в поселке Листвянка на Байкале. В то советское, атеистическое время для многих людей литература в определенной степени заменяла религию, а стихи — молитвы. Повторял магические стихи, пронизанные любовью и нежностью и звучащие как «*печальная музыка*», музыка тихая и простая, «легким дыханием» входящая в душу читателя. Читая такие стихи, мгновенно вызывающие эмоциональную и духовную реакцию, невольно оказываешься в каком-то глубоком, почти молитвенном состоянии. О таких стихах великий

³ Распутин В. Г. Указ. соч. С. 503.

русский композитор Г. Свиридов (1915—1998) в одной из своих «тетрадей» написал так: «Бывают слова изумительной красоты (например, Рубцов) — они сами музыка»⁴.

В наше время, в эпоху «духовной мутации» (В. Распутин), время «распада всего мира эстетики, где все перепутано — безумное с сатаническим, с ложным, с фальшивым, с нарочито безобразным, с растленным» (В. Гладilin), когда истинной культуре грозит перерождение в антикультуру и «натуралистическая парадигма неоязычества — парадигма тела — вытесняет христианскую парадигму духа» (А. Панарин), в наше поистине трагическое время особое место в сознании русского читателя, совестливо, ответственно и тревожно думающего о прошлом, настоящем и будущем России, занимают поэзия Николая Рубцова и проза Валентина Распутина, писателей, достойно и осознанно продолжающих традиции русской классики в главном — в нравственно-духовных поисках **истины** о мире и человеке, в стремлении утверждать высшие, **христианские ценности** и заповедные начала.

Как справедливо отмечает архиепископ Вологодский и Великоустюжский Макарий, «классическая русская литература вся построена на православных ценностях, ей свойственно христианское мировосприятие и мироощущение. И потому любой писатель, чье творчество продолжает традиции великой русской литературы, является православным по сути, даже если он не был церковным человеком»⁵.

Какая удивительная и редкая для нашего времени чистота, целомудрие, искренность и глубина чувства выражены в таких простых, безыскусных поэтических образах Николая Рубцова:

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома,

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота.

Подобно тому как Сергей Есенин, поэт, наделенный «певучим даром славянской души» (А. Толстой), своими поздними стихами в 20-е годы прошлого века оплакивает погибающую, навсегда уходящую в прошлое крестьянскую Русь, патриархальную деревню, так в 60-е годы Николай Рубцов, «поэт бездомной России, бездомной судьбы» (А. Шорохов), душа которого хранила *«всю красоту былых времен»*, свои-

⁴ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 122.

⁵ Н. М. Рубцов и православие. М., 2009. С. 15.

ми стихами смог пропеть об уже ушедшей Руси и «небесными звуками» выразить «рыдание» и «улетающий плач журавлей», когда «сиротенут душа и природа». Так в 70-е годы Валентин Распутин, один из самых ярких представителей «деревенской прозы», ставшей предсмертной песнью русского крестьянства, «последней великой русской литературной школы» (В. Курбатов), повестями **«Последний срок»** (1970) и **«Прощание с Матёрой»** (1976) прощается со старой деревней и крестьянским укладом и в значительной степени закрывает главную тему этой прозы — тему гибели традиционной жизни русского крестьянства, патриархальной цивилизации, причем эта гибель переживается писателем и как историческая, и как личная драма, как одна из главных катастроф XX века. По словам В. Курбатова, «он простился не с веком даже, а с тысячелетием»⁶, «потом было только развитие «темы», договаривание...»⁷

«Прощальные песни» Рубцова, несущие читателю «свет русской классики, свет дара Божьего» (Д. Шеваров), и **«повести прощания»** Распутина, приобретающие апокалипсический смысл, занимают достойное место в русской литературе второй половины XX века и продолжают жить в XXI веке, открывающем третье тысячелетие христианской эры. Именно поэзия Рубцова и проза Распутина, вырастающие из почвы и несущие главное, глубинное, духовное, позволяют сохранить в современной литературе представление народа о себе, сохранить глубину его самосознания и память о патриархальном мире.

Сегодня можно говорить о **трагической** судьбе Рубцова-человека, жизнь которого так нелепо оборвалась в возрасте 35 лет⁸ (его личная трагедия связана с «вечной» проблемой русского человека — проблемой «пития»), и о **счастливой** судьбе Рубцова-поэта, стихи которого продолжают жить, оказавшись в «поле вечности» и став частью русской классики; можно говорить и о **драматической** судьбе Распутина, прожившего 78 лет, но написавшего свои вершинные произведения в возрасте от 30 до 40 лет: повести «Последний срок», «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой». Драматичен путь и Распутина-человека, включившегося в политическую борьбу и ставшего частью конкретной «партии», и Распутина-писателя, редкий художественный дар которого постепенно и неуклонно угасал.

Современный прозаик В. Михальский, в одно время учившийся вместе с Николаем Рубцовым в Литературном институте, в 1976 году написал о нем «изящную лиро-философскую миниатюру» (Ю. Павлов), которую назвал «Орфей» и в которой создал вызывающий доверие у читателей трогательный портрет поэта:

«В углу, на тумбочке, стоит гармонь, он играет на ней и поет хриплым голосом своим прекрасные песни, за это я и прозвал его Орфеем <...> Орфей — застенчивый, тихий человек, поплававший в море, поживший среди простого народа, с песенной болью в худой груди. Эта боль его мучит, гложет, не отпускает ни днем, ни ночью: все чудятся строчки, звуки... Поэтому, когда выпьет, он становится дерзким, грубит, лезет на рожон.

— Надо почитать этот миф, — задумчиво говорит Орфей, — странно, что его убили женщины»⁹.

Этот поэтический портрет Рубцова является резким контрастом к «прозаическому» портрету опустившегося, пьющего человека во многих воспоминаниях его

⁶ Наш современник. 2015. № 4. С. 28.

⁷ Курбатов В. Я. Указ. соч. С. 20.

⁸ По словам В. Астафьева, «кончина его по чудовищности редкости и уникальна» (Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009. С. 689).

⁹ Михальский В. В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 2014. С. 365, 366.

современников. Русский Орфей оказался «юридическим»: и в Литературном институте редко ходил на занятия, потому что, видимо, чувствовал и понимал, что книжные знания, которые предлагали там, ему не нужны для того, чтобы сказать свое слово в русской поэзии (только северная природа и русская деревня дают ему спасительный воздух для вдохновенного творчества); и в бытовой жизни ничего не делал для элементарного обустройства, столь необходимого для выживания обыкновенному, нормальному человеку.

Николай Рубцов погибает как земной грешный человек, но побеждает смерть как подлинный поэт, в своих стихах достигший той высшей цели, которую так ясно в 1836 году сформулировал Пушкин: «Цель художества есть идеал...» Идеал чистоты поэтического слова, души русского человека с его православной верой, идеальное воплощение красоты русской природы, идеальный образ русской земли, святости своего Отечества, своей Родины — все это отражено в поэзии Рубцова, как и реализован высший долг художника, выраженный в пушкинском «Пророке»: «Глаголом жги сердца людей».

Совершенно иное впечатление вызывает портрет Валентина Распутина у Романа Сенчина в «Зоне затопления», романе, посвященном Распутину и являющемся «постскриптумом ко всей деревенской прозе» (А. Журов). Это портрет «старика с утасоющей силой и верой», портрет «старого писателя», голос которого «журчит тихо» и который «бессильно лепечет»: «Сейчас, мне кажется, обречен весь мир. Подошло время негодности этого мира». И в своей статье «Драма Валентина Распутина» Сенчин заключает: «Распутин — бесконечно печальный писатель <...> уходил без надежды на русский язык да и вообще на цивилизацию. Очень хочется, чтобы Распутин ошибся в своем приговоре»¹⁰.

Почему же так быстро иссякает творческий дар Распутина? Почему после высшего творческого взлета в 70-е годы в течение дальнейшей долгой жизни он написал только около двух десятков рассказов и всего две повести — «Пожар» (1985) и «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003), в художественном отношении значительно уступающие предшествующим? Причем последняя, «прощальная» повесть является «самой страшной повестью у Распутина» (В. Курбатов), как будто написанной «окровавленным сердцем», страшной не только беспредельным злом, заполонившим мир, и безнаказанным насилием, но и тем, что несет в себе очень опасный антихристианский смысл¹¹: ради установления земной справедливости нарушается одна из важнейших библейских заповедей и оправдывается убийство человека, пусть и насильника. Женщина-мать становится убийцей. Как и в романе Достоевского «Преступление и наказание», в повести Распутина из невыносимого чувства боли рождается протест, бунт, непреодолимое желание отомстить и немедленно восстановить поруганную справедливость. По словам автора, повесть «надо было писать, чтобы возникало сопротивление»¹².

И здесь в явном — бессознательном или осознанном — споре с Достоевским Валентин Распутин как художник и как христианин бесконечно проигрывает. В романе «Преступление и наказание» Раскольников первый раз пришел к Соне с мучившим его вопросом: «Что же поддерживало ее?» Почему до сих пор она не бросилась в канаву или не попала в сумасшедший дом? И услышал поразитель-

¹⁰ Сенчин Р. Драма Валентина Распутина // Урал. 2016. № 3. С. 213, 215.

¹¹ Любовь к писателю не исключает возможности критического отношения к нему, несогласия и спора по отдельным конкретным вопросам. Как художнику, не примкнувшему ни к одному из «лагерей» или «партий» и сохранившему внутреннюю свободу, грозит одиночество и непонимание, так и любой исследователь, работающий в поле современной литературы и стоящий вне «партий», тем более нередко обречен на положение «изгоя».

¹² Распутин В. «Это в каждом из нас...» // Литературная газета. 2016. 2 ноября. № 43. С. 7.

ный ответ от Сони (у которой были *«кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем»*): *«Что ж бы я без Бога-то была?»* (Ч. 4, гл. 4). А во время своего второго визита к Соне он уже подвергает серьезному испытанию ее веру в Бога:

«Ну-с; так вот: если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдали: тому или тем жить на свете, то есть Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне? то есть как бы вы решили: кому из них умереть? Я вас спрашиваю. <...>

— Да ведь я Божьего промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» (Ч. 5, гл. 4).

Вспомним и дьявольское искушение в «Братьях Карамазовых» кроткого Алеши умным Иваном, который смог в послушнике спровоцировать бунт против Бога рассказом о том, как генерал *«в своем поместье в две тысячи душ»* приказал на глазах у матери затравить собаками дворового мальчика восьми лет (*«...и псы растерзали ребенка в клочки!..»*) только за то, что тот, *«играя, камнем зашиб ногу любимой генеральской гончей»*:

«Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

— Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата» (Кн. 5. Pro и contra. Гл. 4. Бунт).

По мнению В. Курбатова, «Тамара Ивановна навеки права, взяв в руки обрез и решая вопросы государства своим материнским судом, потому что это ее дети, ее Родина, ее защита будущего. И художник с гордостью и любовью глядит на нее, возвращающуюся из тюрьмы спокойной и сильной <...> Диагноз, поставленный этой последней повестью, страшен, но и лекарство, таинственно содержащееся в этой же повести, могущественно. Это не утешение. Это призыв к защите. Что после этого могло быть написано еще?»¹³

Достоевский же одну из главных своих идей уже в последние годы сформулировал в рабочей тетради предельно кратко и ясно: «Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного»¹⁴.

У Распутина Настёна («Живи и помни»), у которой *«истерзанная, беспутная душа надорвалась»* и которой *«истошно стыдно и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой»*, стала не только самоубийцею (причем автор признает нравственную высоту этого поступка), но и убийцею своего нерожденного ребенка. И Тамара Ивановна стала «справедливым» мстителем, убийцею «по совести».

Возникает страшная для осмысления состояния души человека и современного мира параллель: Николая Рубцова убивает женщина, мать (и поэт), которая уже десятилетия ищет себе оправдание и в стихах, и в своих воспоминаниях; женщина и мать в прощальной повести Распутина убивает человека (в ее глазах зверя), не испытывая мук раскаяния, и вызывает оправдание и безусловное уважение у окружающих людей, у многих читателей и критиков, глубоко травмированных при чтении жестоких сцен описания насилия «выродившейся твари», как другого насильника называл В. Астафьев в своем рассказе «Людочка»¹⁵.

¹³ Курбатов В. Я. Указ. соч. С. 274, 275.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 27. С. 56.

¹⁵ Но все-таки в рассказе В. Астафьева возмездие насильнику приходит со стороны отчима главной героини — «двуногого существа с вываренными до белизны глазами», в которых клокочет «от пещерных людей доставшееся, сквозь дремучие века прошедшее <...> бешенство». И автор тоже этически оправдывает такое возмездие, ибо первобытная агрессивность отчима все-таки кладет конец насилию.

Как отмечает Олег Павлов, Валентин Распутин постепенно «потерял себя». Но почему это произошло? В чем причины и где истоки этой драмы?¹⁶ В 2006 году В. Распутин признается: «Ничего не хочу писать. Не могу, не верю. Надо запретить где-то. Где? Долго молчать, ничего не видеть. Может, тогда что-то вернется»¹⁷. Распутин как будто, подобно Александру Блоку после создания поэмы «Двенадцать», перестал слышать «музыку» жизни.

Драму и творческий кризис Распутина В. Курбатов объясняет прежде всего губительным воздействием на писателя «изломанным механизмом общества, изувеченной машиной государства»:

«А он бы и рад, как в лучшие дни, книги писать, да в себе не волен: «горит село, горит родное» — какие тут книги? Душа-то как раз к книгам и рвалась, силы были в совершенном расцвете, а мир не пускал. «Я ведь даже слово давал, — признавался он в начале перестройки интервьюеру „Смены“, — как только отмечу 50-летие, плюну на все, уеду хоть в тундру, где уж меня никто не найдет, и буду только писать... А вместо этого борьба, статьи, заседания, выступления». И чуть позднее опять о том же и мимо вопроса, почти невпопад, — видно, болела эта мысль, и от нее было не освободиться: „Больше всего меня заботит моя собственная творческая работа. Больше всего мне хочется заниматься литературой. Сесть за письменный стол и быть от всего свободным. Но... нельзя освободиться от обязанностей гражданских, когда страдает культура, страдает человек“.

<...> Оказалось, что сбежать „даже в тундру“ уже нельзя, что время искусства в старом разумении кончилось, что старые родники окончательно истощены и „стол“ уже не для литераторов...»¹⁸

¹⁶ О. Павлов говорит о трагической судьбе Распутина: «...любила и читала, и понимала его, конечно, интеллигенция. Этого своего читателя он потерял, потому что... Может быть, потому что потерял себя <...> как и зачем в то время он позволил себе массу антисемитских высказываний <...> На него влияли. Он подчинился этому влиянию. Говорил то, что ждали те, в круг которых вошел. Быть одиночкой, как Астафьев, он не мог <...> он говорил как патриот и для патриотов с коммунистическим привкусом <...> Его использовали <...> Он мог выступать как христианин, но что-то глубоко личное ему этого не позволяло <...> со своими идеалами не находит общественного движения ближе обновленной коммунистической партии — той, что проповедует любовь к загубленной ее же идеями родине <...> Он разочаровался во многом <...> Он не был свободен. Никогда. До последних своих дней» (Павлов О. Русская литература — это слеза. Ответы на вопросы о творчестве и личности Валентина Распутина // Творческая личность Валентина Распутина: живопись — чувство — мысль — воображение — откровение. Иркутск, 2015. С. 173—175).

О широко распространенной ложной молве («клеймо») пишет Д. Майкльсон, американский слаvist, профессор Казанского университета, переводчик произведений Распутина на английский язык, свыше 30 лет хорошо знавший русского писателя: «Распутин давал сочинителям коллективных писем разрешение включать свое имя, даже не прочитав их <...> возникла и распространилась внезапно на западе и востоке молва о том, что Распутин, мол, антисемит <...> прилипло к его имени, как клеймо. Избавиться от него было нельзя. <...> эта репутация сложилась на ложной почве. <...> до сих пор я не видел, да и не слышал никакого подтверждения этой молвы — ни в опубликованных трудах, ни в записях выступлений и лекций...» (Майкльсон Д. Валентин Распутин: пророк и его драма // Творческая личность Валентина Распутина... С. 31).

В художественных произведениях Распутина (в отличие от В. Солоухина, В. Белова, В. Астафьева) фактически нет проблемы антисемитизма и этнически Чужого (за исключением образа насильника-кавказца в его последней повести). Рассуждать здесь о проблеме антисемитизма — это значит идти по минному полю. Распутин, включившись в непримиримую политическую борьбу и став частью конкретной «партии», невольно оказался на этом поле.

¹⁷ Курбатов В. Я. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Курбатов В. Я. Предисловие // Распутин В. Г. У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы. М., 2015. С. 13—14, 15.

Но могли быть и внутренние причины. В 2007 году на вопрос корреспондента о своих любимых произведениях Распутин называет рассказ «Уроки французского» (1973) и повесть «Прощание с Матёрой»: «...повесть „Живи и помни“ очень трудно писалась, потому не могу назвать любимой. А вот „Матёра“ писалась легко и быстро»¹⁹. Эту повесть А. Солженицын при вручении премии Распутину 4 мая 2000 года назвал «сильнейшим произведением» и «грандиозным символом уничтожения народной жизни»²⁰. Но в высказывании Распутина все-такистораживают слова о легкости и быстроте написания этой повести, в то время как, по другому признанию писателя, он всегда писал очень медленно. В этой повести, буквально пронизанной символикой, нет нового характера: старуха Дарья — это все та же Анна, только перенесенная в ситуацию «последнего срока» уже для Матёры²¹. А М. Дунаев вполне обоснованно говорит об опасности для православного мировоззрения появления в повести языческих образов Лиственя и Хозяина острова (для автора являющихся всего лишь поэтическим отражением народной жизни), о «языческом соблазне, противном Православию»²².

В 70-е годы я купил пластинку с записью рассказа «Уроки французского» в прекрасном исполнении М. Ульянова и неоднократно слушал его чтение, вызывавшее искреннее сочувствие, сострадание и любовь к главному герою и восхищение художественным талантом писателя. А в 80-е годы, уже работая учителем литературы в школе и обсуждая с учениками шестого класса это ставшее программным произведение, вдруг с удивлением и неожиданно для себя увидел то, чего не замечал до этого, чего до сих пор не замечают многочисленные исследователи творчества Распутина. Это становится понятным и отчетливо видимым при сравнении с рассказом В. Астафьева «Конь с розовой гривой» (тоже программным школьным произведением), «гениальным рассказом <...> потрясающим образцом православного повествования <...> о прощении и покаянии»²³. Совесть герой Астафьева мучается и страдает, чувствует себя преступником, глубоко раскаивается за свой обман внешне строгой, но бесконечно любящей и доброй бабушки:

«Я думал, сейчас бабушка обнаружит мое мошенничество, даст мне. что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство <...> „Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?“ — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника».

У Распутина же автобиографический герой, ощущающий собственную праведность и безгрешность, слишком идеализирован: уже в 11 лет безмерно одинокий и неправдоподобно гордый, предельно честный и бескомпромиссный даже в мелочах, во всем оказывается прав. Он очень высоко стоит над всеми окружающими его людьми²⁴ (в которых автор зорко видит и беспощадно изображает недостатки и по-

¹⁹ Распутин В. «Это в каждом из нас...». С. 7.

²⁰ Новый мир. 2000. № 5. С. 187.

²¹ Современные исследователи говорят о прощении не только с «крестьянской Атлантидой», но и с «красной Атлантидой», о прощении с советской эпохой (Литовская М. А. Валентин Распутин и конец советской эпохи // Творческая личность Валентина Распутина... С. 15). Наконец, возникают ассоциации и с всемирным потоком, грозящим гибелью всему человечеству. И в то же время это не только «эсхатологическая повесть о времени, которое надорвалось, кончилось, исчерпало себя» (А. Варламов), но и пророческая повесть о самом авторе, который тоже «надорвался» и «исчерпал себя».

²² Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. VI (Кн. 1). Изд. 2. М., 2004. С. 462.

²³ Тарковский М. Речные писатели: Виктор Астафьев и Валентин Распутин // Наш современник. 2015. № 3. С. 269.

²⁴ Совершенно иной смысл в рассказе увидела И. Плеханова: «Поражает непреклонная воля к самоограничению, которую проявляет подросток, оставшийся один на один с чужим и жестоким

роки) и стыдится только того, что был «от природы робкий и стеснительный»²⁵. Даже «необыкновенная» Лидия Михайловна, учительница «загадочного французского языка», вызывает у очень правильного героя, гордого пятиклассника, невольное осуждение за небольшие хитрости и вынужденный обман, пусть и ради высокой цели, чтобы хоть чем-то помочь голодающему ученику, живущему у чужих людей, вдали от родного дома.

Как отмечает Ж. Нива, «умение видеть мир глазами ребенка связывает Распутину с Толстым. Но у Толстого происходит взросление, путь через мытарства и преодоления. Такого пути нет у Распутина»²⁶. «Идеальный» автобиографический герой Распутина значительно уступает в психологической достоверности и глубине главному герою Толстого в «Отрочестве», повести, в которой автор исследует внутренний мир Николеньки, когда у него в «пустыне отрочества» рождается «бездна мыслей» и в разных ситуациях проявляются очень опасные для души человеческие пороки (гордыня, самолюбие, тщеславие, эгоизм, зависть, обида), когда впервые возникает состояние «затмения», во время которого человек способен совершить «самое ужасное преступление».

Очень важно найти точные слова для выражения своей мысли, чтобы быть правильно понятым читателем этой статьи. Может быть, не только из-за невыносимой боли писателя (что очевидно!) за уничтоженную патриархальную деревню и покалеченную природу, надорвавшийся русский народ и бесконечно страдающую Россию, но и хотя бы отчасти из бессознательной гордыни (я — хороший, а почти все остальные плохие) слишком идеализированного героя автобиографического рассказа «Уроки французского» вырастает потом, как из зерна, стремление стать учителем и проповедником²⁷, стремление учить и судить людей, обличать социальные язвы и нравы. Это стремление проявилось в переходе от художественного творчества к публицистике (сначала социально-нравственной, потом религиозно-философской), главный смысл которой заключается в прямом нравственном и экологическом воспитании массового человека, в прямом воздействии словом на душу и сознание современников; а затем одно время было даже и вхождение в политику (депутат Верховного Совета СССР, член Президентского совета при М. Горбачеве)²⁸. Писатель в значительной степени оказался пленником

миром. Это тема Достоевского — и решается будущим писателем в собственной жизни. Но мальчик, обуреваемый страстями, отдающийся игре, устанавливая в то же время свои правила поведения, — это не только феномен уникально развитой личности. Это здешний и живой Алеша Карамазов» (Плеханова И. И. Предисловие // Творческая личность Валентина Распутина... С. 7). Но все же герой Распутина играет не потому, что «обуреваем страстями», а для того, чтобы выиграть рубль, необходимый для покупки молока («Молоко мне наказано пить от малокровия»).

²⁵ Уже позже, в 90-е годы, Распутин напишет: «Я не мог вместить в рассказ многое: и как я квартировал у одноклассников, где меня подкармливали (и уж, конечно, речи не могло быть об оплате), и как к праздникам выдавалось вспомоществование, и как приласкивали, чтобы мне терпелось...» (Распутин В. Г. В поисках берега. С. 509, 510).

²⁶ Нива Ж. Путь Валентина Распутина по опустелому русскому дому // Время и творчество Валентина Распутина. Иркутск, 2012. С. 24.

²⁷ «Поздний Распутин напрямую спорит творчеством с действительностью, рассказы становятся программой действий и обращены уже к сознанию читателей не только через чувства, а в виде вполне артикулированной проповеди» (Плеханова И. И. Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем. Иркутск, 2016. С. 222).

²⁸ Критик В. Бондаренко приводит горькое признание Распутина: «Мое хождение во власть ничем не кончилось. Оно было совершенно напрасным» (Бондаренко В. Г. Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма. М., 2003. С. 503). И Д. Майкльсон отмечает: «В 2000 году Распутин признался мне в письме, что он „потерял десять лет в омуте общественной деятельности“» (Майкльсон Д. Указ. соч. С. 32).

своего времени²⁹. Может быть, эта потеря необходимой для творчества внутренней свободы, эта в определенной степени «измена» художественному дару и привела к его оскудению и духовному опустошению, бесконечной усталости и многолетнему молчанию художника (ставшего публицистом и нравственным проповедником)³⁰, к «тотальному отчаянию в вырождающемся человечестве, которое периодически будет его охватывать в 1990-е годы»³¹, глубокому пессимизму и неверию в возможность что-то изменить в России к лучшему: «...ничего не хочу и ни во что нынешнее не верю». Как замечает В. Курбатов, «один из лучших художников молчит и уже готов с тяжелым сердцем повторить за Виктором Петровичем Астафьевым каменные слова: „Мне нечего сказать вам на прощанье“»³².

Самым совершенным среди рассказов Распутина М. Дунаев справедливо считает автобиографический рассказ **«Что передать вороне?»** (1981), в котором главный герой, несмотря на просьбу маленькой дочери остаться дома, внезапно уезжает на дачу, чтобы не упустить удачу и продолжить очень важную для себя работу³³. Но в конечном итоге этот торопливый отъезд оказывается бегством в одиночество, разрывом связей между душами людей, предательством ребенка человеком, как будто еще не знающим истинной меры жизненных ценностей. А расплатой становится неожиданная болезнь ребенка, недающаяся работа и тоска одиночества. Подобной глубины раскрытия внутреннего мира человека, выявления не только душевных, но и духовных его движений, требующего от художника невероятного напряжения и сосредоточенности на главном, мы почти не видим в поздних произведениях Распутина.

Связь Распутина с русской классикой до сих пор остается, по словам современного исследователя, «абсолютно чистым полем исследований»³⁴. Для меня лучшими произведениями Валентина Распутина являются повести **«Последний срок»** и **«Живи и помни»**, повести, в которых автор, продолжая традиции прежде всего Толстого и Достоевского (романы «Война и мир» и «Преступление и наказание»)³⁵,

²⁹ Н. Перяеслов отмечает, что «герои в рассказах Распутина в 1990-е годы начали очень длинно говорить», что «его произведения постоянно „перетекают“ в публицистику», что он «очень тяжело выбирается из пут публицистики, которой было отдано минувшее десятилетие» (Перяеслов Н. В. Распутин и Россия // Творчество В. Г. Распутина: ответы и вопросы. Иркутск, 2014. С. 177, 178, 179).

³⁰ Здесь выражено ни в коем случае не осуждение, а только стремление понять драму писателя, как будто перешедшего в своем творчестве с духовно-философского на социально-нравственный уровень бытия, драму, вызванную не только внешними событиями, но и внутренними причинами. Сам Распутин признает, что и после Достоевского глубины человеческой души «до сих пор остаются темными и загадочными» и необходимо «вслед за причинами внешнего мира <...> искать причины в нем самом» (Распутин В. Г. В поисках берега. С. 480).

³¹ Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015. С. 532.

³² Курбатов В. Я. В поисках берега. С. 23.

³³ Дунаев М. М. Указ. соч. С. 475.

³⁴ Время и творчество Валентина Распутина. Иркутск, 2012. С. 8.

³⁵ Анализ этих повестей см.: Влащенко В. И. Проза Валентина Распутина и классическое наследие: Вслед за Львом Толстым // Я иду на урок литературы: Современная русская литература. 1970—1990-е годы. М., 2001. С. 136—156; Влащенко В. И. Герои В. Распутина и Ф. Достоевского (повесть «Живи и помни» и роман «Преступление и наказание») // Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности. Сургут, 2009. С. 152—159. К сожалению, вынужден отметить, что Н. Гореславская и В. Чернов, авторы компилятивной книги «Валентин Распутин. Русский гений» (М., 2013), в главе о повести «Живи и помни» без каких-либо ссылок фактически переписали несколько страниц (С. 91—94) из моей статьи, «отрезав ножницами» все связи и параллели с романом Достоевского.

говорит о «вечном» (о душе, совести, памяти, жизни и смерти) и создает новые для русской литературы характеры, воплощенные в образе Анны (мудрой старой крестьянки, «сопрягавшей» малое и большое, злободневное и вечное)³⁶ и в образе Андрея Гуськова, в котором тема предательства обретает трагический характер. Может быть, впервые в русской литературе XX века предатель (дезертир) становится трагическим героем³⁷.

Можно выделить ключевые звенья творческого пути Распутина: элегическая, бесконечно печальная повесть **«Последний срок»** — скорбный плач автора и «предсмертный вой неведомого мистического существа» (М. Литовская) в **«Прощании с Матёрой»** — горький и скорбный обличительный пафос в художественно-публицистической повести **«Пожар»** — одиночный бунт и как будто «справедливая» месть в повести **«Дочь Ивана, мать Ивана»**. Печальный элегик Распутин, оплакав «последний срок» крестьянского мира, патриархальной цивилизации, сначала становится страстным обличителем-проповедником, а затем в последней повести предстает отчаянным бунтарем и беспощадным мстителем. Дальше тупик и наступает многолетнее и окончательное молчание.

2.

В критике последних десятилетий даны прямо противоположные оценки Рубцова: от «великого поэта» (В. Кожин, В. Курбатов, А. Шорохов), «великого русского лирика XX века» (А. Бобров), «истинного, самобытного таланта» (В. Зайцев) — до «рядового стихотворца» (М. Гаспаров) и «несостоявшегося поэта» (Э. Шнейдерман), «эпигона Есенина» и «квасного графомана» (Д. Давыдов). По словам одного из критиков, «одни восприняли явление Рубцова в ореоле чуда, а другие остались глухи к его поэзии»³⁸. Такой невероятный разброс оценок в значительной степени объясняется не только тем, какой литературный и общественно-политический лагерь, какую «партию» представляют конкретные критики, отражающие постоянно существующее в России духовное распутье, но и наличием или отсутствием «интуиции целого» (М. Бахтин), душевного родства, глубинного чувства единения русской души и с православной Русью, *«старинным белым светом»*, и с современной, духовно больной, израненной, но рвущейся к свету Россией. По мнению Л. Аннинского, «есть что-то загадочное в той ярости, которою он вызвал в критике при своем появлении и которая все усиливалась — в параллель растущей народной славе <...> не оставляла его в покое ревностная злость литературных критиков! И при жизни, в 60-е годы, и после смерти»³⁹. Размежевание идет по самой главной, основной линии человеческого бытия — духовно-нравственной, по линии осмысления русского самосознания и вопроса об историческом предназначении России.

Среди «разоблачителей» Рубцова, интеллектуалов и «образованцев» (А. Солженицын), атеистов, безбожников по преимуществу, особенно отметился либеральный критик и литературовед В. Новиков, который, прочитав вдохновенные строки поэта:

³⁶ «Распутинские старухи», по словам современного исследователя, «такое же культурно-историческое понятие, как „шукшинские чудики“ или „тургеневские девушки“ и „лесковские праведники“» (Сухих И. Однажды была земля // Звезда. 2002. № 2. С. 231).

³⁷ В середине 80-х годов автор данной статьи, так формулируя одну из проблем повести, нередко сталкивался с возмущенной реакцией со стороны коллег-преподавателей.

³⁸ Пикач А. «Я люблю судьбу свою...» (О поэзии Николая Рубцова) // Вопросы литературы. 1977. № 9. С. 92.

³⁹ Аннинский Л. А. Николай Рубцов: Россия! Как грустно! // Север. 2013. № 7—8. С. 32.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
 Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,
 Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
 Но жаль мне разрушенных белых церквей!.. —

и со злорадством обнаружив даже не образ, а только одинаковые слова «царская корона» в стихах поэта и в лакейской песне Смердякова, в 1994 году издательски назвал Рубцова «Смердяковым русской поэзии»⁴⁰, и это несмотря на то, что герой последнего романа Достоевского, незаконнорожденный сын Федора Карамазова, убийца своего отца, отрицал все свое, русское, во имя чужого, западного, и откровенно признавался: «Я всю Россию ненавижу...» «Ниспровергатели» Рубцова являются представителями либеральной и «беспочвенной» интеллигенции, отрицающей духовно-нравственные ценности своего отечества и опирающейся на традиции западной культуры. Они являются частью той интеллигенции, которая оказывается совершенно чуждой, равнодушной и невосприимчивой и к пленительной музыке стихов Рубцова, и к мучительной боли поэта за Россию⁴¹.

В пронзительных исповедальных стихах Рубцова, являющихся неотделимой частью той русской поэзии, «чистой, как родниковая вода», того звучащего поэтического слова, от которого «плакала и ликовала от восторга читательская душа» (В. Распутин), ученийший филолог М. Гаспаров (1935–2005), к сожалению, видит только стандартный набор общих мест, почти лубочных атрибутов, видит всего лишь «гармоническую законченность второстепенной поэзии», широко представленной еще «на страницах „Нивы“ или „Родины“ 1900-х годов»⁴², а критик В. Новиков говорит о «тривиальности» рубцовских стихов, поясняя: «И тогда, придя в Ленинскую библиотеку, выписал Рубцова, даже не зная еще, кто он, откуда, задушили его уже или нет». Злорадство чуждо, противно сочувствию и милосердию.

В отличие от подобных интеллектуалов, выдающийся петербургский композитор Валерий Гаврилин (1939–1999) так выразил свое отношение к поэту:

«С годами мой жизненный опыт привел меня к Рубцову — и теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов. <...> Теперь я очень страдаю оттого, что не могу найти музыкального ключа к раскрытию тайн его поэзии в музыке <...> Рубцов оказался для меня очень трудным поэтом. Он умер очень молодым, но оказался таким глубоким, что мне даже не все было понятно <...>. Он мне очень дорог, человек этот, со всей своей неустроенностью, со всей своей бедностью <...>. И с полной беззащитностью <...>. И вместе с тем такая вот огромная духовная сила, с которой ничего поделаться нельзя».⁴³

В творческом наследии поэта насчитывается свыше четырехсот стихотворений⁴⁴, среди которых несколько десятков являются художественно совершенными произведениями (звучащими как откровение и созданными в минуты настоящего вдохновения: «О чем писать? На то не наша воля!»), в которых автор, наделенный, как и Есенин, таинственным песенным даром, предстает большим русским поэтом, достигающим в стихах пушкинского гармонического «союза волшебных звуков, чувств и дум». В этих стихотворениях, которые «будут вечно сиять в сумрачных

⁴⁰ Новиков В. И. Заскок: эссе, пародии, размышления критика. 1986–1997. М., 1997. С. 123.

⁴¹ Этот круг отвергает и «деревенскую прозу», выражает эстетическое и идеологическое ее неприятие. См.: Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015.

⁴² Гаспаров М. Прошлое для будущего // Наше наследие. 1989. № 5 (11). С. 2.

⁴³ Гаврилин В. Указ. соч. С. 271, 391.

⁴⁴ См.: Рубцов Н. М. Собр. соч.: В 3 т. М., 2000.

далях России» (А. Романов) и «жить в своем народе», Николай Рубцов для многих читателей действительно встает в один ряд с общепризнанными классиками русской поэзии.

Очень значимо давнее признание Андрея Битова, когда он в один ряд с произведениями Пушкина, Лермонтова, Блока поставил и стихотворение Рубцова: «Особой гениальностью веет от стихов непостижимо простых по слову, не отягощенных метафоричностью и эпитетом: „Пора, мой друг, пора...“, „По небу полуночи ангел летел...“, „Девушка пела в церковном хоре...“, „Тихая моя родина!“ Здесь слова молятся в храме речи, а не выживают в водовороте языка и опыта»⁴⁵. И Федор Абрамов (1920—1983) записывает в своем дневнике в 1975 году: «Бог явил нам радость и чистоту в виде стихов Рубцова <...> Такой чистоты, такой одухотворенности, такого молитвенного отношения к миру — у кого искать?»⁴⁶

Я хорошо помню, как на первой в нашей стране научной конференции, посвященной Николаю Рубцову и проходившей в 1976 году в ЛГУ (где о поэте взволнованно делились своими воспоминаниями Ст. Куняев и В. Астафьев, который впервые рассказал, из «какого сора» родились «Вечерние огни» Рубцова, а актер Алексей Локтев вдохновенно и с дрожью восторга от силы слов и чистоты речи, не обремененной мнимыми красотоми, прочитал изумительные стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» и «Видения на холме»), известный критик и литературовед В. Кожин (1930—2001), ставший автором первой книги о поэте, так обозначил творческий путь Рубцова: от явного влияния Есенина в ранних стихах 50-х годов — к содержательной внутренней связи с философской лирикой Тютчева в произведениях 60-х годов. Но в своей монографии В. Кожин все же слишком категоричен и не точен в утверждении, что связь Рубцова с Есениным «в гораздо большей степени присуща ранним, даже юношеским стихам Николая Рубцова <...> В зрелой поэзии Рубцова мало общего с есенинским стилем»⁴⁷. В исследовательской литературе высказана и другая точка зрения: «В выборе тем и мотивов Рубцов в основном не выходит из руслу есенинской традиции»⁴⁸.

Имена **Есенина** и **Тютчева**, две линии, две традиции, по мнению многих критиков, являются определяющими для глубокого понимания поэзии Рубцова, тем более что именно Есенин и Тютчев, по собственному признанию Рубцова, были его любимыми поэтами. В. Распутин в одном из интервью в 2005 году отметил:

«Рубцов был человеком не от мира сего, точно так же, как Есенин. Это особые люди, которые как бы были даны России. Есть поэты, которые прорастают сквозь почву России и говорят тем языком, который существует в России, выражают душу, действительно, душу России. Для меня Николай Рубцов именно такой поэт <...> Поэзия Рубцова — это как глоток чистого воздуха, глоток надежды...»⁴⁹

Их творчество объединяет прежде всего **тема Родины**, которая раскрывается через образы природы и деревни, патриархальной, идеальной, святой Руси — у Есенина и неустроенной современной России — у Рубцова, а также общая **проблема судьбы**: трагической судьбы крестьянской Руси и ее певца, «последнего поэта деревни», — у Есенина; таинственной грядущей судьбы России — у Рубцова; кроме

⁴⁵ Битов А. Соображение прозаика о музе // День поэзии. 1981. М., 1981. С. 235.

⁴⁶ Цит. по кн.: Полетова М. Душа хранит... Николай Рубцов. М., 2009. С. 260.

⁴⁷ Кожин В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М., 1976. С. 44.

⁴⁸ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 274.

⁴⁹ Цит. по кн.: Николай Рубцов. Дорога... Документально-художественное повествование. Сост. М. Е. Барышева. Вологда, 2011. С. 9.

того, поэтов объединяет «природно-органическое восприятие мира» (М. Лобанов) и песенно-музыкальный строй их лирики. Десятки русских композиторов положили на музыку более ста пятидесяти стихотворений каждого из этих поэтов. Другое дело, что многие профессиональные композиторы терпят неудачу от непонимания глубинной, православной по своей сути поэзии Рубцова, от нечувствия духа его слова. Пение на стихи Николая Рубцова, как очень точно отмечает Андрей Грунтовский, «должно быть исконно русским пением», пением «в манере старинных русских тюремных песен» (не путать с блатной песней, заполонившей современную эстраду!), жанр которых «восходит к протяжной лирической песне, к духовному стиху»⁵⁰.

И в то же время у Рубцова нет нервного надрыва, как у Есенина, нет есенинской цветовой метафоры и живописности языка. В голосе Рубцова читатели слышат неповторимый и трагический голос уже другой эпохи. Если у Есенина на смену патриархальной Руси приходит в поздних стихах образ советской России, то у Рубцова Русь и Россия сливаются в один целостный образ Родины: «Россия, Русь — куда я ни взгляну...»; если за Есениным «еще стояла стомиллионная крестьянская Русь», то Рубцов «стал ее прощальной песней, ее судьбой»⁵¹. По словам В. Распутина, «чуждый изныв по Родине вслед за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлек в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далекое, небесное и земное существуют настолько слитно, будто это одно и то же»⁵².

Вопрос о религиозном (духовном) смысле поэзии Есенина и Рубцова сегодня остается самым сложным для исследователей их творчества.

Ранняя лирика Есенина окрашена просветленным молитвенным настроением, а природа уподобляется светлomu храму, в котором человек возрастает душой и очищается, приобщаясь к великому и таинственному храму, где совершается богослужение⁵³. Но пройдя через богоборческий бунт, Есенин отрекается от церкви, от Святой Руси и в очерке «Железный Миргород» (1923) признается: «Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше <...> я разлюбил нищую Россию».

Есенин, как «блудный сын», отрекся от Бога, от Святой Руси, от небесной Руси и оплакал земную осиротевшую страну, ставшую советской, безбожной Россией. После Есенина, как «золотая роща», отговорившего свое, Рубцов, как «долгожданный поэт» (Г. Горбовский) русского народа, как будто первый после Есенина среди «оцепеневшей» природы («Вокруг меня снега оцепенели! Оцепенели маленькие ели») ясно, зримо и отчетливо увидел «**тихий свет**» над русской землей, увидел «*русский огонек*», продолжающий гореть в деревенской избе, несмотря на многолетнюю «*вражду*» и «*разбой*» на русской земле.

В поэзии Рубцова критики 60—70-х годов совсем не видели религиозного смысла. Поэт Ю. Кузнецов (1941—2003) вообще отрицал существование религиозного подтекста в лирике Рубцова, в которой ни разу не называется имени Христа и вообще «сакральных упоминаний не так уж много» (О. Складов). Но это, видимо, в значительной степени объясняется атеистической атмосферой того времени, цензурой, постоянным вмешательством редакторов в тексты поэта: «Время не позволяло Рубцову вносить в тексты религиозные атрибуты...»⁵⁴; «...слова, несущие в себе христи-

⁵⁰ Грунтовский А. Слово о Рубцове // Москва. 2011. № 1. С. 191.

⁵¹ Шорохов А. Оправдание поэзии // Москва. 2012. № 9. С. 200.

⁵² Савченко Т. К. «Здесь для души моей родина»: Есенин в творчестве Николая Рубцова // Современное есениноведение. 2015. № 1 (32). С. 83.

⁵³ Исследователи спорят о соотношении языческого и христианского начал в ранней поэзии Есенина.

⁵⁴ Протоиерей Александр Никулин. О духовном подвиге Рубцова // Н. М. Рубцов и православие. М., 2009. С. 281.

анский смысл, зачастую вычеркивались и заменялись общими фразами нейтрального значения»⁵⁵.

Именно проблема духовного смысла его поэзии оказывается ключевой для многих авторов статей в книге «Н. М. Рубцов и православие» (безусловно, лучшей в исследовательской литературе о поэте) и таковой, видимо, останется в ближайшие годы, решение которой совершенно необходимо для осмысления истинного места поэзии Рубцова в русской жизни и ее значения для русской культуры.

Мне намного ближе позиция тех исследователей, которые считают, что «поэзия Николая Рубцова глубоко православна» и на глубинном уровне во многих его стихотворениях явственно обнаруживается внутренняя «связь со Священным Писанием», что «само присутствие Божие в его поэзии совершенно очевидно» и «ни одно стихотворение его не лишено религиозного смысла, напротив, это чувство поразительно усиливается со временем»⁵⁶. В названной книге о Рубцове наиболее значительными в этом плане являются статьи поэта Андрея Грунцовского, композитора Антона Вискова и протоиерея Александра Никулина, статьи, в которых авторы стремятся преодолеть привычное разделение писателей на светских и духовных, бытующее в мирском и нередко в церковном сознании, и раскрыть поистине религиозный дар светского поэта Николая Рубцова. К ним можно добавить и глубокую статью А. Шорохова «Веянье тонкого хлада», опубликованную сначала в «Литературной газете» (2005, № 5), а через семь лет с небольшими изменениями под названием «Оправдание поэзии» — в журнале «Москва».

Отдельные стихотворения Рубцова звучат то как **грустные** и одновременно **радостные песни** о самом любимом («Русь моя, люблю твои березы! / С первых лет я с ними жил и рос, / Потому и набегают слезы / На глаза, отвыкшие от слез»), то как **печальные** и даже **скорбные песни-плачи** о прошедшем и неизбежном («Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто»), в которых плачут маленькие дети («Малютка отвернулась / И говорит: «Я не пою, я плачу...»), плачут звери и птицы («Что ж так жалобно плачет / На болоте кукушка?»), плачет ветер («Ветер всхлипывал, словно дитя, / За углом потемневшего дома») и лирический герой («Я люблю, когда шумят березы, / Когда листья падают с берез, / Слушаю — и набегают слезы / На глаза, отвыкшие от слез»), в которых звучит погребальный и вселенский плач («Есть какая-то вечная тайна / В этом жалобном плаче ночном»), то как **поэтические молитвы**, где выражена или **радость-благодарность** («О дивное счастье родиться / В лугах, словно ангел, под куполом синих небес»), или **покаяние-боль** блуждающей и уставшей души, которая с кротким смирением принимает неизбежную «расплату» («И однажды, прижатый к стене / Безобразем, идущим по следу, / Одиноко я вскрикну во сне, / И проснусь, и уйду, и уеду...»), или **просьба-мольба** о спасении собственной души («Сделай меж белых / Своих лебедей / Черного лебедя — белым!»), о спасении России и русского народа («Отчизна и воля, — останься, мое божество!»).

Читая стихи Николая Рубцова и помня о его неустроенной бытовой, бездомной и страдальческой жизни и трагической судьбе, мы вспоминаем и Пушкина («И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется...»), и Ахматову, метафорически точно выразившую очень сложную внутреннюю связь бытовой жизни поэта с его творчеством, когда житейские трудности, конфликты и даже отчаяние можно преодолеть словом и переплавить в красоту («Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...»), и Лермонтова, глубоко раскрывшего молитвенную сущность

⁵⁵ Рубцовский сборник. Вып. 2: В 2 ч. Ч. 1. Череповец, 2015. С. 16.

⁵⁶ Н. М. Рубцов и православие. М., 2009. С. 166, 283.

истинной поэзии («Есть сила благодатная в созвучьи слов живых...»). Лирика Рубцова отличается удивительной **чистотой речи** и «**чистотой души**» поэта, его лирического героя.

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

Но чем вызвана эта исповедь, эта клятва? В бытовой жизни Рубцова как человека, подверженного алкогольной зависимости⁵⁷, сама плоть его становится жертвой, следствием морального падения, но в стихах поэт очищается и преображается, остается верным своему Божественному дару и высшему долгу нести свет и добро, противостоять злу во всех своих проявлениях. Греховные падения и срывы в бытовой жизни Рубцова⁵⁸ чередуются с парением и взлетами в стихах, настоящими открытиями, видимо, требующими огромного внутреннего напряжения, полной душевной

⁵⁷ В драме «пития» Рубцова можно видеть следствие и детской травмы в военные годы (смерть матери, детдом, утрата отца), и «комплекса неполноценности» (Ф. Абрамов), чувства ущемленности, осознания своей «отсталости» в культурной городской среде (сначала жизнь и работа в Ленинграде, затем учеба в Литературном институте в Москве), вызванных недостаточным образованием и начитанностью. Признания в наличии этого комплекса, связанного с травматическим нахождением в чужом пространстве городской культуры, среди людей с более высоким образовательным статусом, можно найти у таких писателей крестьянского происхождения, как Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Шукшин.

⁵⁸ Г. Свиридов в письме к Ст. Куняеву в 1984 году признается: «Книга воспоминаний о Рубцове произвела сильное и очень, надо сказать, гнетущее впечатление <...> Рубцов шел на дно уже безропотно <...> Одинокая, бесприютная душа, потонувшая в северном необъятном мраке <...> Ужасом веет от этой книжки!» (Свиридов Г. В. Указ. соч. С. 254).

самоотдачи, после чего необходима хоть какая-то «разрядка», о чем он и пишет в письме к Ст. Куняеву: «Откуда им знать, что после нескольких (любых, удачных или неудачных) написанных мной стихов мне необходима разрядка — выпить и побалагурить»⁵⁹. Такие «разрядки» являлись вынужденной данью той нечистой силе, которая в конечном итоге в лице женщины-оборотня и погубила Рубцова-человека. Но Поэт, избранник Бога, в своих стихах совершает духовный подвиг и побеждает демона, живущего в его измученной и усталой душе, которая жаждала любви, кротости, веры в чистоту и добро.

Невольно вспоминается и клятва Достоевского, который сразу же после трагедии на Семеновском плацу писал своему брату Михаилу: «Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое»⁶⁰. Эта поэтическая клятва Рубцова сродни и признанию композитора В. Гаврилина:

«Да, я идеалист, я знаю это, но я заставляю себя так думать, иначе мне незачем работать, мне нужно, чтобы как можно больше людей любили мою музыку. Старали она по языку, революционна ли, мне абсолютно безразлично — для меня важно, чтобы она задевала человеческое сердце, чтобы в ней не было никакой грязи, никакой пошлости, чтобы она вызывала высокие чувства. Я такую клятву дал себе еще в юности»⁶¹.

Стихотворение «**До конца**» звучит как смиренная молитва о спасении души. Здесь нет злобы, ненависти, бунта, проклятий, зависти, обиды на людей и на судьбу, нет ожесточения сердца, а есть понимание спасения души в преодолении внутреннего зла и своего эгоизма, понимание спасения в чистоте, в высокой поэзии, в честном и совестливом служении России, русскому народу и Богу («старинный белый свет») в качестве поэта, Божьего избранника. Это стихотворение как будто отражает постоянную внутреннюю работу самоочищения и покаяния и воплощает подлинное религиозное преображение человеческого сердца. В стихотворении «**Последняя ночь**» Рубцов не только о Дмитрии Кедрине, но и о себе сказал предельно просто и ясно:

Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой —
Его уж любят, как святого,
Кристалльно чистого душой.

В. Астафьев, с благодарностью откликаясь на воспоминания о Рубцове Н. Старичковой, в письме к ней делится своими мыслями о близком ему поэте: «Уж очень много нагромождено вокруг личности и необычной смерти Рубцова. Поскольку и то и другое мало кому доступно (личность — то загадочней и крупнее времени и окружения), то и уподобляют поэта, его дела и содержание души чаще всего себе подобным, и из страдающей, грустной души поэта выстраивают душонку мятушущую, ничтожную. Пишут чаще всего те, с кем он собутыльничал, при ком вольничал, кривлялся и безобразия свои напоказ выставлял <...> сверху непотребство, детдомовская разухабистость, от дозы выпитого переходящая в хамство и наглость <...> А под ним, в середине, под сердцем, таится чистый-чистый ребенок с милым лицом, грустным и виноватым взглядом очень пристальных глаз. Этот мальчик и «держал волну», охранял звук в раздрыганном, себя не ценившем, дар свой, да не свой, а Богом данный, унижающем, чистый тон, душу, терзаемую самим Творцом» (Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009. С. 671–672).

⁵⁹ Куняев Ст. Пилигримы // День поэзии — XXI век. 2011. Альманах: Стихи, статьи. М., 2011. С. 28.

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 164.

⁶¹ Гаврилин В. А. Указ. соч. С. 326.

В лирическом герое Рубцова проявляется скрытая **духовная сила**, «огромная сила духа» (В. Гаврилин) и «загадочная устойчивость русской души» (Л. Аннинский), необходимая и для преодоления внутреннего зла, и для спасительного покаяния, так что все творчество Рубцова можно назвать «покаянной песнью за наше нераскаянное поколение» (А. Грунтовский). Если в поздней лирике Есенина, в его «ночных» и «зимних» стихах, главной является тема **смерти** с основным мотивом **прощания** с уходящей молодостью и жизнью и идеей **гибели** Святой Руси и «последнего поэта деревни», «поэта золотой бревенчатой избы» («И луны часы деревянные / Прохрипят мой двенадцатый час»), то у Рубцова до конца доминирует идея **пути к свету**, христианская идея **воскресения**: поэт — в Слове, России — в православной вере.

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Как сказочная спящая царевна, Россия-Русь погружена в таинственный колдовской сон, но поэт верит в ее пробуждение, верит в чудо воскресения, в ее особое Божественное предназначение, ибо если погибнет Россия, то неизбежно погибнет и весь мир. Ночь и зима в стихотворении Рубцова «**Зимняя песня**» несут не смерть, но как будто проникнуты, просвечены ожиданием Рождества, а северная деревня оказывается душой России-Руси:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Вслед за В. Кожинным многие критики отмечают близость Рубцова и к Тютчеву. Вологодский поэт В. Коротаев вспоминает, как на одном из литературных вечеров Николай Рубцов на вопрос о любимом поэте ответил так: «Ближе всего по духу, по убеждениям, каким-то формальным установкам мне Тютчев». Близость «по духу», видимо, предполагает молитвенный настрой духа, глубокую связь с православной духовной традицией, видение России прежде всего как страны русского народа, «*край родной долготерпенья*», как страны христианской в самых глубинах и тайниках бытия своего, с молчаливым и добрым Филей («**Добрый Филя**»), с гостеприимной старой хозяйкой («**Русский огонек**»), с деревней Ферапонтово, «*чем-то самым святым на земле*», предполагает веру в особую, спасительную роль, предназначенную России в таинственной судьбе мира⁶².

Общепризнано, что Тютчев является великим **философским** поэтом («*Есть целый мир в душе моей / Таинственно волшебных дум...*»), в стихах которого главное — «мысль чувствующая и живая» (И. Аксаков). Рубцов же скорее «чисто лирический

⁶² В своей работе «Россия и Революция» Тютчев писал: «Прежде всего Россия — христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы» (Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2002—2005. Т. 3. С. 144).

поэт» (по классификации С. Франка двух типов поэтических натур⁶³), в стихотворении «**Ночное ощущение**» предельно искренне сказал о себе: «Я чуток как поэт, / Бессилен как философ». Он, в отличие от Тютчева, не является «поэтом-мыслителем», но за его «ощущениями» и чувствами, в глубинах конкретных художественных образов мерцает, скрывается, угадывается читателем глубокий **религиозный** смысл. Можно и нужно говорить не столько о философском, сколько о **духовном** содержании стихов Рубцова (почва и истоки которого находятся в народном богословии) при почти полном отсутствии церковной лексики и имени Бога. «Детская» вера Рубцова отличалась от религиозности Тютчева, далекой от непосредственного чувства и слишком отягощенной философскими раздумьями и философским скепсисом.

По своему мироощущению и мировосприятию Тютчев является **трагическим** поэтом, чувствующим и осознающим катастрофическое состояние человека, природы, мира Вселенной, что вызывает «*души отчаянный протест*» и отражено не только в его «думах», но и в любовной лирике, где любовь раскрывается как «*поединок роковой*» и неизбежная гибель более нежного сердца предопределена. На фоне пушкинской гармонии «*звуков, чувств и дум*» поэзия Тютчева оказывается **дисгармонической**, «*звуки*» которой можно определить словами «веще косноязычие» (И. Аксаков).

В поэзии Рубцова трагизм жизненного содержания по-пушкински преодолевается **гармонической формой**, песенным даром, чарующей музыкой стиха, наконец, пониманием участия Промысла в течении событий. Гармоническая **форма** стихов Рубцова «**отрицает**» (Л. Выготский), зачастую побеждает их трагическое **содержание**, и его стихи в большом Доме русской поэзии как будто занимают место горницы, в которой светло от ночной звезды, от Рождественской звезды: «*В горнице моей светло...*»

Кажется, что Рубцов, как «*сирота бездомный*» (Тютчев), в суровой жизни («*Мать умерла. Отец ушел на фронт*»; «*На войне отца убила пуля*») проходит путь «падения», «опьянения» и бездомности, подобно тому как русский народ в XX веке прошел через страшное падение в Гражданской войне и «опьянение» идеей социальной и духовной революции. Подобно тому как Рубцов, оказавшийся «*лицом к лицу пред пропастью темной*» (Тютчев), погиб от руки «женщины-волчицы», так Россия, заблуждавшаяся и надрывавшаяся в течение почти целого века, может погибнуть от демонических сил, если не будет веры в Бога, в спасительный Промысл («*Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы...*»), если не воскреснет православный **народ** и не возродится православная держава; в противном случае «массе населения», «темной **толпе** непробужденного народа» (Тютчев) грозит вырождение, превращение в одичавшее **стадо** свиней, которое, одержимое бесами, бросится с обрыва в море. И стихи Рубцова помогают читателю поверить в то, что «для России возможно такое покаяние и очищение, которое смыло бы все ее грехи, пороки и беззакония» (Г. Флоровский).

Тютчевское ощущение катастрофического состояния мира, «ночной» страх и леденящий ужас «*окончательного уничтожения*», обнажившейся «*бездны*» в «*мире роковом*», муки «*души ночной*» («Чувство тоски и ужаса уже много лет стало привычным состоянием моей души»⁶⁴) — все это наиболее пронзительно выражено в стихотворениях Рубцова «**Поезд**» и «**Наступление ночи**».

⁶³ Франк С. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев. М., 2008. С. 36.

⁶⁴ Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 241.

И все же у Рубцова во многих стихотворениях страх и ужас преодолеваются глубокой верой в истинное бессмертие и центральное место занимает образ **покоя**, органично связанный с образом храма, а доминирующим чувством становится **благодарить**, та благодать, к которой всю жизнь взыскующе стремился Тютчев (в поэзии которого часто на первый план выходят образы хаоса и бездны), но обретал ее только в редкие минуты счастливого состояния души, когда отступала глубокая неуверенность в том, что гармония победит хаос, когда на смену «страшной ночи» приходила «святая ночь», на смену «страшным песням <...> Про древний Хаос» приходило иное: «Учило нас Евангельское Слово / В своей священной простоте...» В произведениях Рубцова преодолевается и страх утраты поэтического дара, чуда рождения стихов, страх не исполнить свое призвание, отчего возникают заклинания себя («**До конца**») и уверения других: «Поверьте мне: я чист душою...» («**В осеннем лесу**»). По мнению А. Грунтовского, «быть может, все чудо Рубцова только в том и состоит, что он сумел передать ощущение благодати Божией, разлитой в природе и человеке <...> благодати, готовой вот-вот отойти от грешной Руси»⁶⁵.

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Протираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...

Тютчев, Есенин и Рубцов в своих стихах выразили простую истину: Родина-Россия-Русь познается не гордым умом, не холодным рассудком, а сердечной верой, надеждой и любовью. Кажется, что в вершинных своих произведениях этим русским поэтам с «болезненно-греховными душами» благодаря глубокому покаянному чувству удастся «воскреснуть и воздвигнуться», преодолеть «обморок духовный» и обрести желанную «благодать».

Восприятие и понимание поэзии Рубцова может быть на совершенно разных уровнях в зависимости от мироощущения, мировосприятия и мировоззрения читателя:

на **рассудочном** уровне «жалкого разума» (Тютчев) и «гордого ума» (Достоевский) с его нигилистическим торжеством «человеческого» над «божественным», на уровне «текста» со своей «структурой», и тогда читатель-критик видит только «общие места», «лубочные атрибуты» и «тривиальность», а поэт воспринимает всего лишь «эпигоном Есенина»;

на **душевном** уровне «умного сердца», и читателю открывается «чистая душа», «добрая душа» поэта, его нежная и грустная любовь к березам и журавлям, к «сельским видам» и «синим небесам», к избушкам и цветам, к северной природе и «храму старины», к современной России с ее «померкшими полями»; читателю открывается и любовь поэта к «мистической святой Руси, древней и вечной, сохраняемой трудами ее праведников и мучеников» (А. Висков), сохраняемой и поэтическим словом Николая Рубцова, а его чудесная лирика уподобляется «скромному русскому огоньку»:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,

⁶⁵ Грунтовский А. Указ. соч. С. 224–225.

За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...;

наконец, на **духовном** уровне прозрений и откровений, когда поэт (а вслед за ним и читатель) ясно слышит «незримых певчих пенье хоровое» и «строки многих его стихотворений звучат как музыка торжественных гимнов и акафистов, прославляющих величие Божьего мира, как благословение вечной красоты жизни, как страстные заповеди любви, покаяния и всепрощения, как незыблемая вера в грядущую славу родной страны» (А. Висков), а **Слово** поэта с его «молитвенной чистотой звучания» становится для читателя на поэтическом небосклоне русской литературы подобным таинственной «звезде полей» (вспомним тютчевское: «*Душа хотела б быть звездой...*»), которая «горит, не угасая, / Для всех тревожных жителей земли»:

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Светло, тихо и спокойно Николай Рубцов в стихах прощается с жизнью и благословляет любимую Россию. Мотив затаенного прощания со всем сущим явственно слышен во многих стихотворениях Рубцова, а в «**Элегии**» становится ключевым:

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой, —
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.
Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне, —
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

Николай Рубцов погибает 19 января 1971 года. Свою смерть поэт пророчески предсказал в пронзительном стихотворении «**Я умру в крещенские морозы...**» (1970), а еще раньше, в стихотворении «**Идет процессия**» (1967), он описал прощальный путь человека к последнему земному приюту, когда «трещат крещенские морозы». По словам А. Дорина,

«этот зимний путь, являющийся для Рубцова символом не только гибели, но и обновления, очищения, начала какой-то иной жизни, наполнен и другим — мистическим смыслом — поэт считает сам факт ухода из жизни в период совершения главного православного таинства единственным и, быть может, последним путем к спасению, к очищению, к вечной жизни души человеческой»⁶⁶.

Есть глубокий смысл в том, что главный герой последнего автобиографического рассказа Распутина «**В непогоду**» (2003) во время пурги, продолжавшейся трое суток и как будто «подготавливающей Судный день» («Горе нам, прогневившим Бога!»), вспоминает стихи именно Николая Рубцова:

⁶⁶ Н. М. Рубцов и православие. С. 327.

Улетели листья с тополей —
 Повторилась в мире неизбежность...
 Не жалея ты листья, не жалея,
 А жалея любовь мою и нежность!
 Пусть деревья голые стоят,
 Не кляни ты шумные метели!
 Разве в этом кто-то виноват,
 Что с деревьев листья улетели?

Валентин Распутин уходит из жизни 14 марта 2015 года. Может показаться, что уходит человеком с надорвавшейся и тревожной душой, с безмерно уставшей, обессиленной любовью и навсегда утраченной надеждой, человеком, который, не смотря на всю духовную жажду и воцерковленность, кажется, так и не обрел в своей душе желанный покой, истинную и глубокую веру, дающую неисчерпаемые силы для христианского смирения, бесконечного терпения, сострадательного милосердия и евангельского прощения современного человека, в гордой слепоте своей разрушающего мир, а также для радостного молитвенного благодарения Бога за дар жизни и творчества, за возможность чистым зрением созерцать необыкновенную красоту природы, несмотря на все зло, существующее в мире, наконец, силы для светлого благословения людей, близких и дальних, продолжающих достойно и жертвенно нести свой крест и верящих в чудо воскресения человека, в чудо возрождения православной России. И все-таки Распутин своим «золотым словом» и в классически ясной художественной прозе, и в страстной публицистической проповеди по своему выразил то же, что и Рубцов в своих удивительных стихах, подобных поэтической молитве или пророческому завещанию:

Россия, Русь —
 Куда я ни взгляну!
 За все твои страдания и битвы
 Люблю твою, Россия, старину,
 Твои леса, погосты и молитвы,
 Люблю твои избушки и цветы,
 И небеса, горящие от зноя,
 И шепот ив у омутной воды,
 Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!